

Гротеск ~ А Готический Эпический

Автор: GE Graven

Глава XX

[Заключительная глава первой книги: Воскрешение]

Лазарус следовал за зеленоватым светящимся Призраком лорда Медиччи, пока они летели.

На юг, вдоль покрытого хвойными лесами побережья, он направился к портовому поселку Сен-Максим. Справа от него виднелся тусклый и неровный край морского берега с многочисленными бухтами и полуостровами; и в его стремительном полете береговая линия могла показаться лишь прыгающим пятном, постоянно перескакивающим с одного места на другое. И даже в движении, слева, бескрайний океан с его багровым горизонтом казался ему неподвижным морским пейзажем. И все же Лазарь почувствовал едва уловимую, почти незаметную градацию в этой тонкой красной линии рассвета. Его нарастающее сияние и поднимающийся жар почти предупреждали о пылком и огненном драконе, стремительно поднимающемся и стремящемся испепелить землю своим смертоносным светом дня.

Время текло под стуком крыльев, а бешено бьющееся сердце Эльджо тщательно отсчитывало его прохождение в мельчайших долях секунды. Лазарус летел вперед, даже когда самые дальние края восточных облаков сияли широкими красными оттенками, напоминающими коллаж из колоссальных пятен крови, размазанных по нижней стороне Небес. Он удвоил темп, следуя примеру Медиччи; однако Призрак продолжал двигаться вперед.

Целенаправленная и непрерывная спешка. Тонкие линии расходились от горизонта, обращенного к морю, распространяясь наружу и сквозь тусклое небо, напоминая о зачатках чего-то чудовищная, огненная паутина. Огромные потоки восходящего солнца устремлялись в небо, и в конце концов это небесное зрелище рассвета стало настолько величественным, что издали силуэт Лазаря мог напоминать тень мотылька на фоне сияния огромного вулкана.

Тревога Лазаря переросла в ужас, а затем и в панику, когда он воскликнул: «Медики, времени больше нет!»

«Ещё немного, Лазарь!»

«Нет; я должен двигаться вглубь страны!»

«Нет! Оно прямо там!» — воскликнул Медиччи, указывая перед собой на скальный выступ, образующий длинный полуостров. «Мы уже почти у цели! Поторопитесь!»

Лазарь сжал челюсти, напряг плечи, наклонился навстречу ветру и бросился вперед. С новой скоростью. Он снизился и скользил по поверхности моря, крепко держась за пятку Медиччи. Вместе они обогнули скалистый мыс и резко повернули. Перья взметнулись над океаном, когда Лазарь рассеял стаю птиц, обитающих на скалах. Они пронеслись сквозь испуганные крылья, преодолели каменистый перешеек и свернули дальше вглубь суши, чтобы войти в бухту с мелководьем и зеленоватыми водами. Бухта была усеяна небольшими, хаотично разбросанными островами, которые могли бы показаться экзистенциально значимыми, похожими на шпильки груды израненных и обнаженных скал. Вместе они стояли в бухте, словно выжженные океаном серые надгробия, возвышающиеся над широкой зеленью водной могилы.

«Она там!» — Медиччи указал на пару расположенных неподалеку островов, которые вместе могли бы напоминать ряд нижних клыков с резцами, устремленных в небо. Узкий проход из более темной воды разделял эти каменистые образования. И когда Лазарь приблизился к океанскому пространству между двумя островами, он заметил отчетливую и, казалось бы, смещенную точку структуры, которая с его постоянно приближающейся точки обзора разрасталась, приобретая все более детальный вид.

«Что ты думаешь?» — вслух спросил Медиччи, падая рядом с Лазарем. «Она подходящее убежище и находится в укромном месте, верно?» В тени скал Лазарь отметил остатки наклонившегося корабля, затонувшего на корме и торчащего из-за носа;

Из-за своего необычного положения в воде казалось, что судно намерено плыть прямо в северное небо, если бы его не остановили океанские волны. Лазарус замедлил ход, чтобы лучше осмотреть перекошенные обломки.

Запятнанные обшивочные доски корпуса свидетельствовали о некогда ровной ватерлинии, а чуть ниже них — о покрывале.

Из самых нижних бортов выступающего носа торчали выбеленные ракушки, придавая перевернутому и разрушенному кораблю вид костлявой белой бороды. И было еще кое-что, хотя и ничтожное по виду, что судно не было совсем безжизненной оболочкой. Лазарь заметил большие пеньковые канаты, пересекавшие покрытую водорослями палубу, все еще прикрепленные к различным частям судна. Были и другие, лишь частично прикрепленные, с незакрепленными концами, свисающими с кормы и свободно болтающимися в темной воде. Ритмичные волны мрачного неба раскачивали изношенные канаты, так что они двигались в унисон, напоминая ряд поднятых и танцующих змей.

В целом, корабль мог показаться довольно крупным; однако он не был мореходной конструкции, способной совершать длительные океанские плавания, а скорее представлял собой нечто большее, чем просто судно. Преодолеть спокойные моря береговых линий между провинциальными прибрежными портами. Тем не менее, в своем крайне ветхом состоянии судно не имело ни парусов, ни мачты; остатки кормовой палубы лежали обрушившимися на главную палубу. А на большей части покрытых водорослями платформ и обломков баясин были разбросаны части высушенных рыбных туш, которые, вероятно, свидетельствовали о том, что чайки питались ими ранее.

Медиччи прицелился в корабль, когда Лазарь обошел судно, чтобы лучше осмотреть корпус на наличие пробоин, и, убедившись в кажущейся исправности корабля, присоединился к Медиччи на главной палубе. Под его новым весом доски скрипели. Медиччи тяжело и бесшумно двинулся к трюму корабля. «Сюда», — крикнул он в ответ, прежде чем исчезнуть внутри. Лазарус легко шагал за ним, доски палубы скрипели от каждого его уверенного шага. «Я « Мне это безразлично», — проворчал он, все еще запыхавшись после полета. «Это безопасно?» Он стряхнул пот со лба и погладил комок на лбу.

«Она достаточно безопасна для пребывания в течение дня», — крикнул Медиччи снизу, его голос разносился по трюму корабля. «А её брюхо темное, как ночь — как раз то, что нужно для вашего недуга, я...» «Соберитесь». По палубе разносились стуки и постукивания, похожие на звуки ударов костяшек пальцев о дерево, и тут приглушенный голос Медиччи добавил: «Ее корпус в хорошем состоянии, учитывая ее потрепанное состояние. Подозреваю, что эти острова уберегли ее от ярости многих бурь. И она немного накренилась на корму; однако... Лазарь? Почему ты остаешься на верхней палубе?»

В тени островных пелен Лазарус украдкой взглянул вверх на обнаженные скальные образования, прежде чем спуститься в темные глубины трюма корабля. Все это время...

Он пожаловался: «Поскольку я не бескрылый летающий Призрак Медиччи, мне приходится время от времени переводить дыхание».

Призрак усмехнулся. «Ты летаешь так быстро, Лазарус; я никогда бы не заподозрил ничего подобного».

Лазарь тяжело вбил сапоги в пол трюма, повернулся и скрестил руки.

Медиччи безучастно уставился в его сторону. «Я чуть не умер от солнца; я убил птицу головой ; и я чуть не упал в море. И теперь мы должны над этим смеяться?»

Медиччи фыркнул и тут же сдержал смех, вытаскивая из волос Лазаря несколько застрявших перьев чайки. «Прости меня, Лазарь. Я никогда не видел, чтобы ты врезался в птицу. Ты ранен?»

«Лучше, чем птица», — ответил Лазарь, снова осматривая покрасневшую шишку на лбу. «Я не хочу преуменьшать твои несчастья, Лазарь», — Медиччи подошел к Лазарю и оглядел его лоб. «Возможно, после двухсот лет твоего нового общения, ты пролил новый свет на мое собственное страдание. Как ни странно, теперь у меня есть веские основания бояться смерти; и от этого я чувствую себя более живым. Не моей смерти, заметьте, а твоей. В конце концов, если бы ты погиб, то и я, несомненно, погиб бы вместе с моей бедной Софией». Медиччи откашлялся, сложил руки и произнес торжественную клятву: «Лазарь, даю тебе слово, что никогда сознательно не введу тебя в опасное положение».

Лазарь слабо улыбнулся и кивнул; и Призрак с распростертыми объятиями указал на местонахождение Лазаря. «Значит, ты стоишь здесь, с небольшой шишкой на лбу, но совершенно в безопасности от солнца , да?»

Лазарус глубоко погрузился в свои чувства — его нос ощутил на вкус сырой и соленый воздух со смесью запахов водорослей, рыбы, гнилой древесины и сладковатого пота на его одежде. К счастью, последние остатки рыбацкого запаха исчезли с его одежды. Он почувствовал холодные капельки пота на коже своих крыльев, теперь охлажденных в тусклом, пропитанном океанской влагой трюме. Его зрачки расширились в темноте, и стали видны внутренние детали корабля. Он понял, что Медиччи говорил правду — корпус судна казался прочным, с хорошо герметизированными ребрами и обшивкой. Призрак усмехнулся. Он почувствовал неестественный угол наклона своих ног; и, изучив пол, обнаружил, что его самые дальние доски исчезают под лужей застоявшейся черной воды, которая занимала всю ширину кормовой части трюма. Он повернулся и осмотрел более узкую носовую часть пола трюма , которая лежала высоко и сухо. Он взгляделся в небо через вход в трюм и увидел голое небо и обнаженные звезды. Затем он повернулся к Медиччи и указал вверх.

«К сожалению, солнце восходит, и в зените своего наивысшего сияния оно рассеет эту тьму — и меня вместе с ней».

Лазарус попытался выйти на поверхность, когда Медиччи стремительно приблизился и остановил его. «Не беспокойтесь, позвольте мне. Отдохните». Призрак усмехнулся и прошептал ему загадочную, ритмичную и философскую мудрость врача : «Как каждое недуг порождает свою неизбежную кончину, так и мы можем плохо обращаться со своими несчастьями и таким образом...»

«Возникнуть с чувством облегчения и спокойствия».

«И ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ?»

«Это значит, что несколько разбросанных деревянных брусьев могут превратить даже самый яркий день в самую темную ночь». Он усмехнулся и исчез на поверхности.

Над головой Лазарус наблюдал, как Медиччи поспешно исчезал и появлялся снова, чтобы затем вернуться с новыми обломками обрушившейся квартердека и засыпать ими отверстие. И когда последний клочок дерева стер все следы небес, Медиччи вернулся вниз и встал рядом с Лазарусом, чтобы оценить темную сторону его деяний. «Черный, как смоль; как пожелаешь. Что ты думаешь?»

Лазарус устало улыбнулся. «Спасибо вам еще раз». Он отвернулся и поднялся по наклонному полу к носовой части трюма, к доскам обшивки, лежавшим высоко и сухо.

Возле носа корабля он опустился на колени и плюхнулся на живот, после чего лениво поправил крылья. В наступившей темноте тишина, плеск волн и скрип корпуса почти убавляли его, когда он внезапно вдохнул и пошевелился. «Медиччи?»

«Да, Лазарь?»

«Ты когда-нибудь устаешь?»

«В некотором роде, — ответил Медиччи, — но иначе, чем вы могли догадаться».

"Как же так?"

Призрак замер, вероятно, в раздумье. «Возможно, лучше всего это выразить на примере...»

Я представлю это так: не могли бы вы вспомнить момент в своей жизни, когда вы пережили глубокую утрату, и вместе с ней — такую тяжелую скорбь, что у вас пропало всякое желание жить? "Я могу."

«Прекрасно, — сказал Медиччи. — Теперь, если позволите, попытайтесь отделить скорбь от того момента так, чтобы осталась лишь утраченная воля. И в одиночестве вы сможете понять, что чувствует душа, когда устает».

«Медиччи?»

"Да?"

«Можно ли летать вечно — никогда не уставая?»

«Я никогда не пробовал. А с этим летающим ангелом-козлом, стремящимся сожрать всё, что только можно, я не буду рисковать».

«Азазель?»

«То же самое. И меня бы не так сильно удивило, если бы и Азазель, и Азраэль обладали способностью летать вечно, путешествуя по миру, поднимаясь и опускаясь в нем, в поисках заблудших душ, подобных мне».

"Вверх и вниз?"

Призрак усмехнулся. «За свои долгие годы я немного познал обычаи ангелов.

мертвы. В конце концов, они еще не смогли меня поймать, даже когда я перемещаюсь среди них, скитаясь по миру. Я видел сотни Ангелов, все в образе Духов и Теней — мы просто обсуждаем эти два понятия, потому что они ищут заблудшие души.

«Полагаю, эти Ангелы ищут души, которые еще не покинули этот мир», — заявил Лазарь. Дух кивнул в ответ. «Только эти двое, как я понял от Азраэля — Азраэль и Азазель — ищут души». Возможно, я мог бы быть более небрежным в их описании». Он погладил подбородок, а затем, погрозив пальцем вверх, продолжил: «Эти двое — настоящие божественные слуги Великого Поместья Творения, которые собирают мусор и хлам, поддерживая таким образом порядок и чистоту в Великом Доме». Медиччи пожал плечами. «Они ходят туда-сюда, надеясь найти меня, но меня там нет, поскольку я знаю, как и где они пытаются меня поймать. Могила моей Софии — одно из таких мест, где Азраэль поджидает, словно змея на пятке. И все же она всегда отпускает меня так же быстро, как и ловит. Это как сезонная игра, в которую мы играем — я притворяюсь, что собираюсь пойти с ней, а она снова позволяет мне сбежать. И поистине, Лазарь, я часто задавался вопросом, не являюсь ли я самой древней душой, странствующей по земле». Медиччи постучал по дереву. «Скажи же, мой мудрый и крылатый оруженосец, неужели ты знаешь, почему спустя два столетия Бог не ст... Я уверена, что Он меня видит так же легко, как любой человек, наблюдающий за клочком мусора или спутанными волосами, валяющимися на полу. А вы как думаете? Почему?» Лазарус фыркнул один раз, после чего перешёл к размеренному храпу.

~*~

Солнце взмыло высоко в небо, лишь нависая над двумя островами, заливая полуденными лучами севший на мель корабль-призрак и подрумянивая только что выросшие водоросли прошедшего вечера. Щебечущие чайки собирались на палубе, где жадно пожирали плоть жабернодышащих рыб. И вот, очередной улов «Глаз Рыб» высыхал на фоне палящего неба. И всё же солнце ни разу не коснулось трюма судна — Лазарь крепко спал в её прохладном и тенистом лоне. Полдень перешёл в послеполуденное время, и тень западного острова начала окутывать судно. Наступили сумерки; и когда ветер стих и прилив сменился, чайки снова покинули корабль и отправились на материк, оставив вечер прогонять еще один день. свежевывсушенной рыбы с широко раскрытыми глазами.

Большая оранжевая луна взошла из восточного моря, заливая океан своим прохладным светом. И подобно петуху, вздрагивающему от первых лучей рассвета, Лазарь пробудился к последние оттенки серой ночи. «Вы крепко спали», — голос Медиччи разнесся по трюму. Лазарь пытался прийти в себя. Он выпрямился, застонал, потер глаза и

Он погладил щеку, на которой были отчетливые отпечатки досок пола. Затем он заметил Медиччи у кормы корпуса, который обеими руками, скрестив пальцы, держался за противоположные швы жилета. Он стоял с видом, кажущимся достойным, но по колено в воде.

«Добрый вечер», — поприветствовал Медиччи и, выйдя из нетронутой воды, направился к нему. «Вы хорошо отдохнули?»
"Я."

«Что ж, я рад слышать, что кто-то из нас отдохнул», — пожаловался Медиччи. «А ты лишаешь меня сна всю ночь своим храпом».

«Простите меня, Медиччи. Возможно, я...»

Медиччи рассмеялся, особенно при мысли о спящем Призраке.

Лазарус намеренно поднялся на ноги. Он испепеляющим взглядом посмотрел на Медиччи, словно на нож. «Мне теперь смеяться?»

Бледный Медиччи замер, ликующее выражение его лица исчезло; и Лазарь усмехнулся, увидев испуганного призрака.

«Ты меня действительно обманул», — признал Медиччи, погрозив Лазарю указательным пальцем и возобновив шаг.

Лазарус ухмыльнулся с удовлетворением. «И вам доброго вечера», — коротко поклонился он.

Медиччи остановился перед Лазарем и резко махнул носом в ответ. «Добро пожаловать на борт «Жемчужины Эдема»».

«Чудочь чьего рода?»

«Эдем», — быстро ответил Медиччи, указывая через плечо Лазаря на нос корабля. — «Так называется корабль. Пока ты спал, я осмотрел его, и его нынешнее состояние многое говорит о его прошлом».

"Как же так?"

Медиччи сложил руки за спиной, откинулся на пятки и усмехнулся. «Я тебе расскажу, мой добрый Лазарь». Он задумчиво опустил взгляд на пол и, расхаживая по кругу, поделился своими наблюдениями. «Мне кажется, она тяжело сидела на воде, таща за собой рулоны ткани и части одежды, когда села на мель. Большая часть её истерзанного груза теперь лежит на каменистом дне, возможно, выброшенная экипажем в попытке облегчить её. Кроме того, похоже, они пытались оттащить её назад вторым судном, надеясь сдвинуть её с места». Медиччи закатил глаза, не задумываясь. «Очевидно, всё прошло без происшествий, поскольку она всё ещё крепко держится. Я понял, насколько старательно она использовала множество связанных веревок, самая толстая из которых все еще лежала в аккуратном порядке на палубе, а обрывки концов равномерно свисали с кормы. И, конечно же, помимо Божьей руки, только более крупный корабль может тянуть менее крупный корабль». Медиччи остановился и, кивнув, посмотрел прямо на Лазаря. «Я подозреваю, что ее смелость и

«Нетерпеливый капитан, мчась по мелководью, под порывистым ветром и с полными парусами, взял курс между этими противостоящими островами. Возможно, ему следовало держаться от них подальше, несмотря на искушение и цену». Затем он пожал плечами. «Тем не менее, вот она лежит, ожидая своей гибели — некогда жемчужина среди судов, забытая всеми». Но птицы и рыбы. И мы, вероятно, ее последние пассажиры, прежде чем она уйдет в прошлое. ее затонувший груз.

«У вас острый глаз на детали, — ответил Лазарус. — Я стараюсь делать то же самое, когда есть такая возможность».

«Ну, это всего лишь наблюдение. Хотя, заметьте, я могу с таким же успехом ошибаться во всех своих подозрениях».

«Думаю, нет», — с улыбкой заметил Лазарус. — «Похоже, вы извлекаете величайшую истину из самых незначительных знаков».

Медиччи поднял бровь. «Слова приняты с благодарностью; однако только по милости Божьей я могу познать Истину». Он жестом указал вверх.

«Итак, давайте выйдем на поверхность, чтобы пробудить мир от его вечерней спячки?»

«О, конечно», — ответил Лазарус. Он повернулся и забрался на вертикальный ящик, толкая многослойные конструкции. Доски отодвинуты в сторону, открывая чистое и сияющее небо. И, подобно осторожно выползающему суслику, Лазарь поднял взгляд лишь до уровня залитой лунным светом палубы, чтобы заглянуть за ее поверхность. Обнаружили стремительно поднимающийся силуэт «Призрака», отчетливо видневшийся сквозь прочную палубу.

«Что ж, давайте, вечер ваш», — настаивал Медиччи, жестом приглашая Лазаря выйти во всей красе.

Лазарус сердито посмотрел на Призрака, прежде чем выбраться из трюма. Он осторожно шагал по покрытой водорослями палубе, осматривая беспорядок из засохших рыбьих частей, обломков и щепок дерева, а также запутанную паутину веревок, которая тянулась то в одну, то в другую сторону, вверх и вниз. **ВНИЗ ПО ВСЕМУ СУДНУ.**

Медиччи молча следовал за ним, его внимание было поглощено небесами.

Лазарь осторожно направился к приподнятой носовой части корабля. Его одежда развевалась на теплом, постоянном ветру, дувшем с материка в сторону моря. Он остановился у носа и осмотрел киль, на котором виднелась частично вырезанная фигурка обнаженной женской ягодицы, теперь обломавшаяся у талии. «Драгоценность», — пробормотал Лазарь, осматривая палубу в поисках остатков верхней части ее туловища, но нашел лишь обломки дерева и разбросанные веревки. Он повернулся к морю, откинул развевающиеся на ветру волосы с лица и прижал их к макушке. С новой точки обзора на носовой палубе, оглядывая нижнюю северную сторону обращенного к морю острова, он увидел восходящую, светящуюся луну. Красноватое, туманное гало окружало оранжевое небо, придавая ему зловещий и призрачный вид.

Он словно предстал перед статуей, осознавая широкую и бездонную пропасть перед собой. Наконец, он спросил: «Какова глубина океана?»

Не услышав ответа, Эльджо обернулся и увидел, что Призрак поглощен самолюбованием, определяющим внешние проявления. Медиччи стоял спиной к Лазарю, подняв руку к юго-восточному небу. Он смотрел сквозь два поднятых пальца, образующих V-образную форму, который он выровнял по его центру, по фиксированной линии визирования относительно звезд. Затем он свел пальцы вместе, повернул их вбок и опустил руку, чтобы совместить указывающую пару. Цифры на уровне горизонта. И одним движением он определил точное направление — на далекий остров Корсика. «Как летит ворона, так можем летать и мы», — размышлял он вслух, уперев руки в бока и осматривая иссиня-черное море.

«Медиччи?»

Призрак закружился, словно внезапно ошеломленный мастер искусств, неожиданно вырванный из необыкновенного и абстрактного мира экстраполяции.

«О, кхм... да, Лазарь?»

«Знаете ли вы истинную глубину океана?»

«Я верю», — ответил Медиччи. «И это действительно зависит от обстоятельств, Лазарь. Есть места, глубина которых не превышает высоты твоих ботинок. А есть и другие, глубина которых не меньше высоты облаков». Он остановился перед Лазарем и продолжил. «Можно предположить, что океан во многом похож на сушу, с его высочайшими горами и глубочайшими долинами. Более того, вода в мире течет волнами, подобно тому как земной эфир колыхается ветрами».

Лазарь кивнул и оглядел океан, впитывая в себя его глубины в свежем свете. Он взглянул на небо, ища подтверждения. «Вы говорите, что глубина сравнима с высотой облаков?»

«В самом деле, и даже глубже; я знаю, в самых дальних его уголках».

«Откуда вы это знаете?»

Медиччи вздохнул, скрестил руки и откинулся на пятки. «Это я знаю, потому что мир мне так сказал. За долгие годы, проведенные без тела, я повидал большую часть лица Земли. Я пересек все ее ландшафты, путешествуя туда и обратно, высоко и низко. От самых высоких облаков и самых высоких гор до самых глубоких океанов и самых глубоких вод под землей я искал местонахождение Ада. Воистину, океаны огромны, разнообразны и глубоки — достаточно, чтобы...»
«Они кажутся мрачными и безрадостными мирами сами по себе».

Лазарус, заглянув за борт палубы, обернулся к Медиччи. «На первый взгляд, она не кажется такой уж глубокой».

«Верно», — ответил Медиччи, сжимая обеими руками швы своей одежды и принимая позу...

Поза гордого государственного деятеля. «На первый взгляд, большинство вещей кажутся таковыми — простыми, безобидными и, возможно, даже мирными. И всё же, даже обычный камень, однажды перевернутый, часто обнаруживает множество таинственных граней и скрытых механизмов под собой — в основном непривлекательных». Он пристально и тщательно осмотрел палубу корабля, словно выискивая любопытных или шпионящих наблюдателей. Затем он усмехнулся и прошептал: «В мои прежние дни алхимика я, так сказать, перевернул множество неперевернутых камней ; стремясь раскрыть многие удивительные тайны мира. И всё это, пока Церковь ничего не знала — моя работа оставалась в секрете от посторонних глаз». Он сухо усмехнулся.

«Почему ты спрятал свою работу?» — спросил Лазарь.

В мелодраматическом проявлении разочарования Медиччи фыркнул и уронил свой теперь уже безжизненный предмет. руки рядом с ним. «Таковы деревенские жители — особенно те, кто впадает в ярость даже от малейшего наступления ночи или видит в собственных тенях следящих демонов и дьяволов, тайно подкрадывающихся, чтобы украсть их души. Когда-то я жил в городе, кишашем подобной церковной чепухой. И как алхимик того времени, ищущий Эликсир Древних и лекарство от Смерти, даже мельчайшие детали моих исследований требовали строжайшей секретности».

«Однако исцеление от недугов — это хорошо; так почему же нужно хранить это в секрете?»

«Зачем... спрашиваешь ?» — поинтересовался Медиччи, громко смеясь и выражая, казалось, недоверие. «Чтобы не посеять подозрения в городе, не вызвать всеобщий страх и не предстать перед церковным собором, защищаясь от обвинений в ереси и колдовстве. После чего меня отведут на рыночную площадь, крестят в смоле, подожгут и я стану образцовым примером, венчающим яркий и величественный факел Церкви города». Лазарус прищурился, глядя на ужасающие картины, которые терзали его разум.

Медиччи откашлялся. «Лазарь, не знаю, известно ли тебе об этом, но Церковь сжигает людей заживо за гораздо меньшие преступления, чем занятия алхимией, физиогномикой или подобными дисциплинами, без должным образом назначенного церковного надзирателя ».

«Я помню упоминания о подобных сожжениях», — признался Лазарус, размышляя о предполагаемой участи узника катакомб. — «Быть сожженным дотла».

«Даже до пепла и пыли», — подтвердил Медиччи с оттенком отвращения. «Их сжигают, чтобы держать покорного глупца под папским правлением». Он покачал головой. «В год, предшествовавший моему последнему заграничному путешествию, городская площадь ярко освещалась с каждым новолунием — ярко — горящими телами обвиняемых совета. А ритуальные сожжения проводились настолько регулярно, что горожане начали прятаться в своих домах

Дома и тайно осуждали Церковь. Я с ними соглашался и, хотя не был столь страстен, как большинство, позволил своим гостям открыто выразить свое возмущение массовыми казнями. Лишь один конкретный инцидент взбесил даже самых влиятельных горожан. Я был ужасно зол, и моя София плакала — как и многие из нас, знавшие обвиняемого мальчика. Мальчик ужасно пострадал от рук церковного совета.

«Что сделал мальчик?» — спросил Лазарь.

«Ничего особенного, о чём мы знали», — ответил Медиччи, защищаясь. « Следует сказать, что мальчик вёл себя несколько иначе, чем его сверстники; и, возможно, его внешность была столь же странной. Он был довольно активным и беспокойным; его мысли блуждали, и он часто говорил так расплывчато и так поспешно, что его первоначальные намерения порой ускользали от него ещё до того, как он успевал закончить фразу. Однако я искренне верил, что у него было больше положительных качеств, чем у большинства озорных мальчиков его возраста. Его звали Стефан, и благодаря Софии я очень привязался и к нему, и к его столь же привлекательной матери, Магдалене». Медиччи подошёл к краю корабля и засунул руки в карманы. Он рассматривал обнажённые скалы прибрежного острова.

Медиччи, повернувшись спиной к Лазарю, продолжил: «Родители Стефана были добрыми, богобоязненными и добропорядочными людьми. До того, как они потеряли ряд своих предков, они принадлежали к знатному дворянству».

«Значительные инвестиции и переход к более — как бы это сказать — возможно, более разумному образу жизни». Медиччи пожал плечами. «Ну, заметьте, они не превратились в простых нищих; хотя многие из их бывших знатных знакомых становились все более и более недоступными. Тем не менее, наши двери оставались для них открытыми, поскольку София и Магдалена за эти годы стали как сестры . Богатые, бедные или нет; даже Бог и Дьявол, действуя как одно целое, не смогли бы разлучить их даже на большее расстояние, чем расстояние между пуговицей и ниткой. Кроме того, что такое богатство для Магдалены, если София часто носила мой кошелек в городские лавки, чтобы вместе совершать расточительные покупки? София стремилась ей угодить; и все же я не возражала против своего кошелька. В конце концов, мои занятия требовали большего».

«Я тратил на это много времени, оставляя Софии достаточно свободного времени для себя. А поскольку моя работа никак на это не влияла, Магдалена и Стефан уделяли Софии столько внимания, сколько я не мог себе позволить. Таким образом, в целом, это пошло на пользу всем».

Призрак повернулся и приблизился к Лазарю. «В любом случае, Стефан во многом унаследовал черты своей матери, за исключением её отстранённого норландского акцента. Его волосы были самого светлого оттенка , который я когда-либо видел — почти белые. А кожа у него была намного бледнее, чем...»

Даже светлый цвет лица Софии, глубокий блеск его голубых глаз, казалось, отбрасывал зловещий луч, подобный лазурным кристаллам перед пламенем. «Это был очень похожий на твой, Лазарь, зловещий взгляд. Тем не менее, в нем было гораздо больше, чем просто внешность».

«Стефан был на удивление умён и хитер для своих юных лет. И всё же, в самом глубоком смысле — возможно, даже в глубине души — я чувствовал, что само его существование несёт в себе ужасное проклятие». В этом есть божественный смысл. Поистине, я мог наблюдать за его действиями лишь мгновение и был одновременно обеспокоен и поражен; мальчик проявлял тревожное и необычное чувство ориентации, особенно в моменты, когда большинство людей могли бы потерять всякое равновесие. Даже при его неоспоримых способностях — о которых я могу с полной уверенностью засвидетельствовать, будучи строгим и дисциплинированным приверженцем разума и размышления — его постоянная демонстрация неизменно тревожила меня. И в тех многочисленных случаях, когда Стефан проявлял свой странный дар, я чувствовал то же самое: ощущение себя одинаково разделенным и разорванным между двумя противоположными частями меня, которые оставались непреклонно противостоящими друг другу. И все же это чувство разрыва никогда не задерживалось, поскольку мои мысли, казалось, успокаивались в новом пространстве, равноудаленном между противоположными и враждующими концами меня». Медиччи приложил руку ко лбу, возможно, проверяя, нет ли там признаков лихорадки. Он всматривался в звезды, признаваясь: «И в этом, казалось бы, мертвом пространстве новообретенной тишины, вдали от противодействующих криков разума и чувств, мне казалось, что я могу спокойно наблюдать за действиями Стефана издалека и с изумлением смотреть, как мальчик погружает мои постоянно ослабевающие чувства в приятное, но тревожное состояние бесчувственности». Он опустил руку и безучастно посмотрел на Лазаря, прежде чем покачать головой. «Что сделал Стефан?» — спросил Лазарус.

— Что ж, — сказал Медиччи, глубоко вздохнув и выразив явное беспокойство, — Стефан был склонен к внезапным приступам, когда он не совсем осознавал себя. Его приступы часто были продолжительными и, возможно, тревожили ничего не подозревающего прохожего, поскольку он кружился на месте, раскинув руки, и смотрел прямо вверх. Ни громкий крик, ни хлопки в ладоши, ни прямое прикосновение не отвлекали его. Можно было положить руку на обращенное к нему лицо мальчика, и он кружился под ней; однако, если кто-то пытался заблокировать его руку или помешать вращению, Стефан приходил в ярость и кричал, пока не мог продолжить кружиться. Поистине Он совершенно не осознавал всего происходящего и ничего не помнил впоследствии. Слово невидимая завеса окутала его, полностью отделив его чувства от мира. И в этом странном и, казалось бы, оторванном состоянии он Просто крутилось бы — и крутилось — и крутилось. Должен признать, что даже на мгновение само по себе это было бы...

Вид его прядения поверг меня в смятение — мне казалось, что я вот-вот потеряю равновесие, даже когда не стояла на ногах. Однако Магдалена и София давно привыкли к частым прядениям мальчика и делали вид, что не замечают. Медиччи погрозил пальцем Лазарю. «И я осмелюсь предположить, что если бы мальчик забрался им на головы, чтобы пряхать, и я хотя бы намекнул на присутствие «Прядильщика Стефана» среди них, то я бы непременно привлек внимание Вдвойне больше гнева за то, что я обратил на это их внимание. Они всегда так плели против меня интриги — они вдвоем.

Лазарь отвернулся с едва заметной ухмылкой и выдохнул с юмором. нос.

«Стоит ли смеяться?» — спросил Медиччи с высокомерным видом, прежде чем продолжить: «Тем не менее, я не мог легко отмахнуться от этого или сделать вид, что не замечаю, особенно когда так много драгоценных сосудов и подставок лежало в пределах досягаемости вращающейся руки, а ряды изящных артефактов выстроились вдоль каждой стены усадебного зала; я не мог закрыть на это глаза». Медиччи скрестил руки, кивнул и наклонился ближе к Лазарю, словно делясь секретом. «Тем не менее, бывали моменты, когда у Стефана случались приступы, и женщины были в другом месте, оставляя только меня и мальчика вместе». Он слегка наклонил подбородок, намекая на откровенные и сокровенные подробности, которыми и поделился; «Однажды Стефан впал в чары и начал вращаться прямо под дверным проемом, его раскинутые руки многократно едва касались каменной колонны. Заметив это, я поставил рядом с мальчиком и неподвижной колонной столик со свечами и стул; и при хорошем освещении я изучил небольшой зазор между его проходящими пальцами и камнем. Он вращался — и вращался — и вращался; и я ни разу не отвел взгляд от этого короткого промежутка, который он создавал каждым своим вращением. Я искал малейшее смещение, где его проходящие пальцы могли бы стремиться к неподвижной колонне или отходить от нее; однако при каждом движении его пальцев не было абсолютно никакого заметного отклонения от этого зазора. Долгое время Стефан вращался идеально на месте. Это было удивительно и тревожно». После недолгой паузы Медиччи пожал плечами, признав: «Я был немного пьян — возможно, слегка опьянен вином, — когда женщины вернулись и обнаружили, что я продолжаю наблюдать за движениями Стефана». Призрак опустил взгляд и потер щеку, с горечью вспоминая прошлое, и продолжил: «Женщины выгнали меня из поместья; выбросили мой стул и бутылку вина на улицу; и велели мне пойти и измерить просветы между деревьями».

Лазарь усмехнулся, пришёл в себя и спросил: «Что Церковь сделала со Стефаном за его припадки?»

«О, дело было не в припадках Стефана — когда Стефан кружился, он молчал.

Церковь заподозрила Стефана, когда он открыл рот — у мальчика действительно был язык. В этом отношении он был очень похож на свою мать. Я не хочу сказать, что он говорил непочтительно или грубо. Напротив, он был весьма почтителен и красноречив, даже проявляя любезность в своих самых бескомпромиссных замечаниях. Проблема Стефана заключалась в следующем: если какая-то мысль начинала приходить ему в голову, он говорил о ней еще до того, как новая идея полностью укоренилась в нем. Иногда ему приходилось сдерживать себя, пока мысль не догоняла его чрезмерное искушение выразить ее. Поистине, он, казалось, был неспособен достаточно долго обдумывать мысль, чтобы оценить ее ценность или уместность, прежде чем поделиться ею вслух. Таким образом, если идея формировалась в его уме, она точно так же формировалась и в умах тех, кто находился рядом с ним, благодаря ему. Он неизменно высказывал свое мнение, пренебрегая всем остальным.

Эта деталь о Стефане сильно меня раздражала — даже больше, чем его приступы кружения, — особенно когда он открыто разговаривал со своим близким и постоянным другом по имени Виктор». Медиччи упер руки в бока, поджал губы и кивнул. «И, как и в случае с приступами кружения Стефана, София и Магдалена делали вид, что не слышат откровенных и продолжающихся разговоров мальчика с другом. Я же играл свою лучшую роль, не слушая. Но мне было действительно трудно сдерживать себя, когда женщины подстрекали Стефана к личным и подробным беседам с другом, ведя себя так, будто Виктор был частью нашей семьи. Женщины тут же шептались Стефану, чтобы он спросил Виктора, не хочет ли он пойти с ними или прогуляйтесь на карете до города; или даже поужинайте с нами в самом ресторане. в конце того же стола, что и я.

Лазарус недоуменно покачал головой. «Почему присутствие Виктора так тебя раздражало?»

Медиччи поднял бровь и прямо заявил: «Виктора никогда не существовало».

«И все же вы утверждали, что Виктор был другом Стефана, верно?»

«Я сказал, что у Стефана есть близкий друг по имени Виктор — только вот этот друг не настоящий.

Более того, Стефан не позволял себе заводить других друзей, кроме этого «Виктора».

«Кого он придумал, исключительно по фантазиям своего воображения».

«И Церковь узнала о замышляемом Стефане друге?» — спросил Лазарь.

«Действительно, почти сразу», — подтвердил Призрак. «Таким образом, церковный совет вызвал Стефана для дачи показаний под присягой и полного признания. До этого я пытался убедить мальчика отказаться от всего, что касалось существования Виктора; однако во время слушания его неугомонный язык отвечал на каждый вопрос совета

откровенно и бездумно. В конце концов, он отказался отпустить своего мнимого друга. Вместо этого он разгневал старейшин совета, предположив, что они могут быть немощными, сказав, что «старикам стр

«От ухудшения зрения, ослабления слуха, выцветания волос и кожи». Медиччи покачал головой. «Мне никогда не следовало обсуждать со Стефаном особенности старения. Поистине, у этого парня был неукротимая речь».

«Однако совет не осуждал Стефана открыто, пока он не предстал перед ними и не вступил в шепотную беседу с Виктором. Церковь немедленно приказала поместить его под строгий надзор; после чего они обнаружили у него приступы прядения. Прошел всего день, прежде чем старейшины совета вызвали к себе Магдалену, чтобы она могла засвидетельствовать результаты их обследования. В отчаянии и ужасном горе Магдалена умоляла меня о помощи, а вместе с ней и о любом влиянии, которое мог бы оказать уважаемый городской врач. Таким образом, я сопровождал ее в молельню совета в надежде убедить Церковь освободить Стефана под мою особую опеку; однако совет уже вынес вердикт о состоянии мальчика. В своем официальном постановлении они заявили, что Стефан страдает редким заболеванием, требующим серьезного назначения грубо применяемых методов лечения, выходящих за рамки «заметно уважаемых, но ограниченных возможностей обычных врачей».

«Каков был вердикт?»

«Какие бы странные замыслы они ни прописали — и даже больше», — проворчал Медиччи. — «В случае со Стефаном они утверждали, что обнаружили у него проблемы со здоровьем, связанные с недостатком питательных веществ в организме». «Обладание суккубом».

«А что такое сук... да...»

«Это женский демонический дух — как ясно описал его собор, — который привязывается к смертному мужчине посредством духовного обольщения, чтобы вытянуть из него всю его сущность. Церковь обнаружила, что эта демоница носила имя Ламиамубус или подобное; и после тщательного духовного размышления они пришли к однозначному выводу, что дьявольский дух каким-то образом проник в сны Стефана, явившись мальчику просто как «Виктор», прежде чем осквернить его душу».

Лазарус пожал плечами. «Виктор?» Он глубоко вздохнул. «Откуда Церковь узнала истинное имя Демона — этого „Ламию“?»

«—мубус», — закончил Призрак. — «Собор официально сослался на предполагаемые папские записи известного епископа, открыто названные «Кормушка червей» или что-то в этом роде — подробности их заявленных выводов до сих пор ускользают от меня, особенно учитывая, что я искренне верю, что они придумали поспешное объяснение, чтобы убедить и успокоить разгневанную паству».

Лазарус прищурился, на его лице зародилось подозрение. Он возразил Медиччи: «Я не помню «Канона Червей», однако я его читал».

«Из священного канона, написанного епископом Вормским. Возможно, вы имели в виду именно это?»

«Каноники — епископы — черви — я не помню точных слов церковного собора»,

Медиччи признался с презрительным выражением лица, беспорядочно размахивая пальцами.

«В конце концов, я был хорошо сведущ в искусстве алхимии и добросовестно служил практикующим врачом; однако я был лишь немного знаком с литургическими обрядами». Он покачал головой и вздохнул. «Тем не менее, Стефан был слабым мальчиком; его многочисленные порки и открытые раны вызывали кровотечение. Я умолял Церковь позволить мне увидеть и вылечить Стефана под строгим духовным надзором; однако собор отказал мальчику в доступе. Вместо этого, и Вопреки моим настоятельным советам, церковные священники и врачи продолжили предписывать «смазывание головы маслом» в сочетании со строгим «лечением пиявками».

«Что такое смазка головки блока цилиндров?» — спросил Лазарус.

«Это практика, требующая высокой точности в исполнении духовенства, при которой три назначенных представителя Церкви погружают затылок одержимого человека в чашу со священным маслом. Первый представитель наносит масло, втирая его в глаза, нос и рот одержимого, специально для того, чтобы смыть всякое ощущение злых духов. Второй представитель произносит молитвенные тексты из Священного Писания во время нанесения масла, чтобы предотвратить загрязнение масла демонами и дьяволами. В тот же момент третий назначенный представитель благословляет дыхание одержимого непрерывным потоком сернистого и известкового дыма, направляя его точно в лицевые отверстия одержимого. В целом, процесс довольно длительный и сложный, требующий трех дней и трех ночей непрерывного применения предписаний».

«Я слышал об этом, но что же такое "паразитарный режим"?» — спросил Лазарь.

«Пиявки похожи на речных червей, которые прогрызают кожу и питаются телесными жидкостями. Церковные врачи прикрепили к паху мальчика сочную кучу пиявок, чтобы вытянуть весь яд. Это было последнее, что мы слышали об ухудшении состояния Стефана; прошло три дня, прежде чем его похоронили».

Лазарь в недоумении откинул голову назад. «Раны были не на спине? Где?»

«Они его выпороли?»

«Они отказались что-либо говорить; и мы так и не увидели ни тела мальчика, ни его одинокого надгробия — место последнего упокоения Стефана стало для всех нас угасающей загадкой». — Призрак пожал плечами. «Тем не менее, мальчик был слаб и своеобразен по-своему, замкнут; и все же он Он никогда не был одержим, за исключением странного, но истинного разума и сердца. В общем, он отправился в тщательно охраняемую могилу, навсегда оставаясь верным своему призрачному другу. И я подозреваю, что Стефан сейчас в безопасности на небесах, вне себя от ярости, и, возможно, навсегда кружится и разговаривает со своим другом Виктором».

«Это были мрачные времена», — вздохнул Лазарь.

«Это были темные времена для всех, — утверждал Медиччи, — особенно для людей, как глупых, так и мудрых, которые не могли легко отдавать десятину Церкви. А для тех из нас, кто мог, кто был образован и кто осмеливался пролить проблеск света или надежды в длинные и далекие тени Церкви, это были поистине ужасные времена».

«Однако, благодаря своему богатству, вы могли легко позволить себе платить десятину, не так ли?» — спросил Лазарь, намекая, что Медиччи, возможно, пострадали меньше, чем большинство.

Призрак кивнул. «Это правда; мне повезло, даже несмотря на чрезмерно щедрые десятины, которые я давал. Церковь особенно любила богатых. Она требовала от казны состоятельных ровно столько, чтобы держать богатых на своих местах, и в то же время облагала их высокими налогами, так что они не становились богаче, чем были. Церковь позволяла приумножать свое богатство только себе, своим фискальным и папским агентам, а также своим верным вассалам знати. Тем не менее, я давал благотворительные десятины и добрые слова духовенству, прежде чем отпустить их, и тихо проклинал саму землю, по которой они ходили».

«Втайне я находил этих самодовольных и эгоистичных людей из Церкви совершенно презренными. Я презирал их, уподобляя их участи великому потоку вялых пиявок, которые высасывают материальные блага и труды из всех, с кем соприкасаются. И в обмен на такие материальные блага они предлагали лишь бесполезные слова авторитета, дорогостоящее отпущение грехов и ложные обещания рая. Поистине, они ожидали реального и осязаемого имущества в обмен на пустую болтовню в форме религиозной и политической риторики. И независимо от того, состояли ли их конфискованные вещи из нескольких зайцев и сорванных овощей у крестьянина и его жены, или из кошелька с золотом и нескольких коней у лорда и его леди, эти люди считали свои слова, молитвы и обещания — свою болтовню — столь же ценными, как и любой сбор, любого размера, наложенный на любого человека. В конце концов, в их глазах обещание вечной жизни было одинаково ценно как для нищего, так и для короля. И хотя мысль о бессмертии могла на мгновение утолить голод голодающего желудка или даже ослабить завязки самого тугого кошелька, горькая правда заключается в следующем: нельзя насытиться словами, прежде чем отправиться в город, молясь, в надежде потратить обещанное. Даже вялые, неумелые и болтливые люди из Церкви знали это; Именно поэтому они требовали от всех все, что сами не могли обеспечить: добытую дичь, собранные овощи, хорошо выращенных лошадей, семейные состояния, а также пот и труд всех кузнецов всех профессий. И все богатство, которое они

«Это были усилия как бедных, так и богатых, — утверждали они, — как причитающиеся им пожизненные десятины, которые должны быть выплачены Церкви».

«Десятина?» — недоверчиво спросил Медиччи, после чего разработал новый ход рассуждений. «Быть посвященными Богу? Неужели эти люди из Церкви верили, что они — Бог?» Призрак коротко погладил подбородок, изображая мелодраматическое задумчивое размышление. Затем он усмехнулся и вслух проверил свои расчеты. «Если я правильно помню, Бог не страдает от мук голода, и он не ходит туда-сюда на коне, и не ходит в город за чрезмерными покупками». Настроение Медиччи помрачнело, и он посмотрел прямо на Лазаря. «Нет, эти десятины были отложены для паразитического и расточительного образа жизни церковного духовенства и его ближайшего окружения. А что касается меня, я подумал...» Духовенство в целом воспринималось не иначе как общинными логовами дисциплинированных воров, стремящихся конфисковать богатства всех богобоязненных народов. Они действовали примерно так же, как медлительная и изнурительная болезнь — ведя себя точно так же, как распространяющаяся болезнь. и безудержное распространение инфекции. Их метод был мне знаком, могу подтвердить, хотя и в некоторой степени. Во-первых, духовенство заражало умы простых людей. Во-первых, это развращало умы простых людей, сеяло ненужные семена подозрения, опасения и неуверенности в себе. Во-вторых, духовенство неуклонно развращало затронутые этим народы, регулярно применяя эти методы с явной целью заменить все их прежние чувства заслуг и добродетели ослабевающими чувствами недостойности и вины. Наконец, когда люди были в самом слабом положении и окончательно поверили, что являются единственной причиной и следствием всех ужасных и постыдных событий в мире, духовенство предприняло попытку поглотить их, почти до смерти — но не полностью, — поскольку оно полагалось на их постоянно растрчиваемое материальное богатство. И наконец, духовенство использовать эту новообретенную ценность для заражения еще большего числа ранее довольных и ничего не подозревающих людей, чтобы еще больше увеличить свои земные выгоды. Действительно, этот метод массового и многократного заражения был в значительной степени разработан для распространения подобно чуме коллективного рабства — все ради накопления еще большего богатства для земной Церкви в виде вечных десятин».

«Десятина, для Бога?» — снова спросил Медиччи, опираясь на отдельно стоящую балюстраду и обращая взгляд к морю. «Церковь не знала ни скромности, ни сострадания в Их неутолимое желание разграбить всё мирское имущество — от конфискации жалкой корзины овощей у крестьянина до захвата каждой третьей лошади в своих провинциях; их чудовищный аппетит никогда не был утолен. И я могу вас заверить, что Церковь никогда не раздавала крестьянские овощи голодным или нуждающимся; и они, конечно же, не приносили их Богу в жертву всежжения. Я расскажу вам, что они с ними делали — они брали их себе. Тучные священники, епископы и сборщики десятины питались ими, чтобы потом кормить ими своих откормленных свиней, оставляя им остатки еды, которые оставались дольше одного приёма пищи; крестьяне же утешали своих плачущих и голодающих детей, которые страдали ещё один вечер, миски с варёной травой.

«Слегка травянистый аромат».

Медиччи повернулся к Лазарю и кивнул. «Я видел это своими глазами, говорю вам; я знал толстого священника и его свинарник, а также несчастных крестьян». Медиччи усмехнулся. «Втайне я дал голодающей семье трех коз и две игрушки для двоих». Я принёс им детей, щедрый кошелек с монетами, и заставил их сдержать слово, что они никогда не должны исповедоваться — особенно Церкви. В конце концов, я не хотел, чтобы хоть одна кость, сухожилие или волосок от этих трёх коз упали в свинарник, чтобы накормить тучного священника, его соратников и ещё больше откормленных свиней. И крестьяне были чрезвычайно благодарны. Зная, что я рисковал конфискацией всего своего имущества за совершение пожертвования вне рамок церковной казны, семья сдержала своё слово, ничего не признавшись в этом деле, и больше никогда не сплетничала. Вскоре после этого отец семейства стал одним из моих дорогих и доверенных слуг, а со временем и тем, кто его принял. «Мои останки будут доставлены в свое последнее пристанище». Медиччи вздохнул и улыбнулся. «Конечно, мы не могли обеспечить каждого крестьянина в провинции; и все же мы с Софией нашли в глубине души глубокое утешение в том, что смогли подарить проблеск надежды».

по крайней мере, одна семья нуждается в помощи».

Лазарус улыбнулся. «Уверен, они были вечно благодарны за вашу доброту. И я думаю, что хотя бы в малейшей степени могу понять, что вы чувствовали. Я сам когда-то сделал нечто подобное».

«О?» — Медиччи откинул подбородок назад. — «Расскажите, пожалуйста».

Лазарь подавил смешок. На его лице отразились скромность и смущение, когда он признался: «Поистине, это было не так смело и не так долговечно, как ваша доброта». Он пожал плечами. «Тем не менее, когда я однажды жил в катакомбах аббатства, я принес часть своей еды голодному заключенному, хотя отец велел мне съесть всю еду и запретил приближаться к тюремным камерам. Меня тревожило не подчиняться таким приказам, но еще больше меня поразила мысль о том, что я могу съесть всю свою еду и оставить другого совсем без нее, особенно когда еды было достаточно, чтобы поделиться. И когда я ужинал, я понимал, что, если я съем всю свою еду, не поделившись ни кусочком с голодным человеком, то потом почувствую себя более опустошенным, чем если бы я только понюхал еду и ни разу не попробовал ее. Я не мог отрицать эту мысль так же, как не мог принять свой долг подчиняться данным мне приказам; поэтому я отложил свои обязанности и тайно помог заключенному — даже пытаюсь освободить его из плена».

«И вы его освободили?»

«Он отказался, потому что считал себя уже свободным».

«Ну, как говорится, „настоящие друзья приходят от голодных, но сытых“. Я уверен, что он был таким».

«Глубоко благодарен за ваши самоотверженные усилия, Лазарь».

«Я верю, что так и было», — заявил Лазарь, сияя от радости. «И после этого, хотя я и нарушил свой долг, я почувствовал себя более сытым, чем, пожалуй, если бы съел целиком трех коз». Медиччи рассмеялся. «Действительно. Это именно то чувство, которое я испытывал. Кем он был, этот заключенный?»

Улыбка Лазаря исчезла. Он опустил взгляд. «Я никогда не знал его имени. И все же он говорил, что я, пожалуй, лучше всего буду помнить его как „Бедного человека во Христе“».

Веселье Медиччи улетучилось, когда он заметил: «Я полагаю, что было много таких смиренных и преданных своему делу народов, давно умерших и забытых, которых можно было бы помнить и чтить таким подходящим титулом, сочетающим в себе неопределенность и славное отличие».

«Навеки блажен этот человек, которого ты помнишь как такового, Лазарь. Это титул, которому позавидовал бы любой Папа; однако он сопровождается обычной одеждой, которую никто не осмелился бы надеть».

«Да, — подтвердил Лазарь, — это уместно; и я буду помнить его именно так».

«Вполне уместно, — заметил Медиччи, прежде чем, подняв палец вверх, заявить: — И при подобном внимательном рассмотрении, уместно примененное выражение, столь же уместно: даже если Церковь переполнена, словно раздутый рог изобилия, изобилием, богатством и всякими безделушками, вы никогда не услышите, чтобы человек из Церкви открыто хвастался этим, называя себя «Богатым человеком Церкви». В конце концов, если бы он действительно черпал свое богатство из папского кошелька, он никогда бы открыто не признался в этом, опасаясь потерять свой источник роскоши. А если бы он был человеком из Церкви, который честно не получал свое богатство из ее казны, то Церковь потребовала бы от него все отчеты о его продолжающемся успехе в виде дополнительных десятин. Таким образом, существует много таких богатых и благочестивых людей из Церкви, живых и здоровых, которые могли бы по праву носить такой определяющий и помпезный титул; Однако никто бы честно и открыто этого не сделал. Знаешь почему, Лазарь? С моей личной точки зрения, Церковь напоминает не что иное, как позолоченную и прославленную кучу личинок, питающуюся разложением медленно задыхающегося человечества; и всё это, в то время как она в одиночку держит ничего не подозревающие народы на грани смерти, постоянно выделяя благочестивый яд.

Лазарь упрекнул его: «Ваши неуважительные замечания уже давно меня сильно беспокоят». Вам следует воздержаться от столь резких высказываний против Церкви и её служителей Божьих. Я больше не хочу об этом слышать.

Внезапное изумление Медиччи сменилось смехом. Он раскинул руки в явном стремлении показать себя. «Неужели меня заставят предстать перед церковным собором, если они останутся глухи и слепы к моему присутствию? Неужели духовенство признает меня виновным в ереси или колдовстве и конфискует мое мирское имущество, если у меня нет ни крохи плоти для себя? Неужели я претерплю вторую смерть

Огонь? Неужели такое вообще возможно, чтобы мертвые боялись смерти? Неужели я попаду в ад из-за резких слов? — Медиччи опустил руки. — Я пытался — и все было напрасно.

«Ты представляешь себя озлобленным человеком», — прямо заметил Лазарь. «Как тебе удалось попасть в рай, если твое сердце...»

«Бог знает», — вмешался Медиччи и вздохнул, — «я действительно испытываю обиду на Церковь. И не без причины, поскольку Сам Господь Бог не требует ни того, ни другого».

Ни наместника Христова, ни армии духовенства, ни величественного сводчатого мраморного храма, чтобы общаться со своей паствой. Со времен Адама и Евы и их детей Господь говорил с ними напрямую, через их собственные сердца. И Он слышит нас даже сейчас в наших личных молитвах к Нему. Где же в этом место или роль для Церкви? «Нет никакого другого, говорю я, кроме как в искажении и извращении общения с Божественным».

Скрип напряженных и расширяющихся деревянных досок разнесся по всему судну; и пораженная стая чаек, отдыхавших на палубе, взмыла в небо, к берегу. Медиччи вышел вперед и обратился к Лазарю немного более лично. «Я должен сообщить тебе, Лазарь, что я не презираю моего Господа Бога только потому, что ставлю под сомнение Церковь». Эти двое никогда не станут одним целым. Они не принадлежат друг другу по природе. В Эдемском саду не было храма — лишь дерево искушения. Наш Отец, пребывающий на Небесах, и Его Святейшество, называющий себя Отцом Церкви, так же разделены, как солнце и луна. Их отдельные образы были объединены в единую, искусственно созданную практику поклонения этими коррумпированными, оппортунистическими и тщеславными людьми, стремящимися к власти и контролю над ресурсами других. Я видел их секреты своими собственными глазами. Благодаря своему прежнему социальному положению, рангу и привилегиям, я общался с самыми порочными и коварными из них. Мои щедрые и постоянные пожертвования Церкви держали этих напыщенных, лицемерных и паразитических людей на расстоянии — и особенно подальше от моих сомнительных алхимических работ. Возможно, я и не читал Священное Писание, но я регулярно присутствовал на церковных проповедях с моей дорогой Софией, достаточно долго, чтобы помнить проповедь Писания. И одно воспоминание, которое отчетливо запечатлелось в моей памяти, — это заповедь: «Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно». Теперь я спрашиваю тебя, Лазарь. Если человек настолько тщеславен, что настаивает на том, чтобы его называли Его Святейшеством, у Он является высшим представителем Христа, и разве не ошибается Он в том, что только через Его Церковь другие могут обрести должное покаяние, отпущение грехов и воссоединение с Господом? Медиччи подошел ближе к Лазарю и спросил: «Если тщеславные и благочестивые люди берут на себя смелость говорить от имени Господа, то разве из-за такого тщеславия они не... «Разве не ясно, что вы произносите имя Господа Бога вашего напрасно?»

Лазарус ответил, покачивая головой и отвернувшись: «Возможно, вы искажаете смысл, лишая его первоначального значения».

Ещё больше досок скрипело в корпусе корабля.

Медиччи продолжил свое послание: «Господь знает сердце мое, Лазарь, и именно поэтому мне был дарован Небеса. И Господь знает также сердца нечестивых, которые могут строить козни, вмешиваясь в дела людей, чтобы встать между Богом и человеком, утверждая при этом, что они являются единственным путем на Небеса — путем, который можно по праву заслужить десятиной, кровью, потом и страданиями. Эти люди — чудовища, и они с готовностью и непременно выпили бы пролитую кровь ваших детей, чтобы утолить свою неутолимую жажду власти и контроля, движимые ненасытным и чудовищным тщеславием. Так было всегда и так будет всегда — такова природа зла — что зло остается злом, называя «Хорошо». Воистину, так же, как и зло, которое самым решительным образом провозглашает себя единственным путем к спасению».

Медиччи заметил нарастающее раздражение в глазах Лазаря и резко отфильтровал его яркие высказывания — он продолжил совершенствовать свою лекцию, сочетая научные наблюдения и методологию исследования с религиозными убеждениями и прошлым опытом, чтобы сформулировать свою собственную точку зрения. логические выводы. «Из моих глубоких воспоминаний, это не было ни бременем, которое я взвалил на свои плечи, ни тем, от которого я мог бы легко избавиться по собственной воле, не потеряв при этом из виду злую истину. И поистине, я находил совершенно ужасающим поведение Церкви, строго запрещенное Священным Писанием. В своих двуличных деяниях Церковь всегда повелевала, чтобы никто не наследовал, не желал и не лелеял ничего на земле, кроме возможности попасть на Небеса, в то время как Церковь желала и наследовала всевозможные земные богатства в виде собранных десятин», которые она щедро распределяла между своим многочисленным духовенством папских агентов. Будучи ученым человеком дисциплинированным и строгим в учебе, я не мог легко нарушать свои обязанности и скрупулезные методы наблюдения и в то же время игнорировать пагубные последствия деятельности Церкви. Я также не стал бы закрывать глаза на многочисленные причины страха, бедности, Страдания и смерть, которые царили в изобилии при его безжалостном правлении. Я не мог — я Не стал бы. И за это, как вы правильно поняли, обида — это крест, который я всегда буду нести.

Корабль резко накренился и опустился под ещё большим углом, доски его корпуса раскололись и затрещали между береговыми камнями под тяжестью его меняющегося веса. Лазарус приготовился и удивленно посмотрел на Призрака. Корабль стабилизировался, воцарилась тишина. Медиччи скрестил руки на груди и продолжил, как будто корабль и не двигался. «В качестве ещё одного прекрасного примера папской практики, когда Церковь грабит бедных ради собственной выгоды, я однажды видел на городской площади позолоченную карету священника, оборудованную

В карете, запряженной шестью лошадьми и с чрезмерно тучным возничим, неподвижно стояла перед... Сапожная мастерская, внутри которой было множество искусно изготовленных туфель. Сначала я не придавал этому особого значения и, возможно, продолжил бы свой путь, если бы одно из отличительных отметок на коне не привлекло моего внимания. Любопытство взяло верх, поэтому я перешел дорогу, чтобы лучше рассмотреть животное, и, поскольку я все еще не был уверен в его принадлежности к той или иной группе, окликнул его. Конь насторожил уши и заметил меня. Прекрасный и кроткий, он был. Его звали Барлоу — Магдалена помогла дать ему имя, когда он был еще совсем жеребенком. Барлоу регулярно обрабатывал сады для крестьянской семьи, жившей на бывших землях родителей Стефана. Тем не менее, я не ожидал, что Барлоу будет так яростно сопротивляться своим ограничениям, даже пугая других коней и приводя в ярость возницу. Возница хлестнул меня кнутом, громко крича так, что это услышал даже Папа Римский. Затем он бил животное до тех пор, пока у него изо рта не пошла пена. Медиччи вздохнул. «С того утра я всегда сожалел о том, что позвал Барлоу. Конечно, я лишь перепутал животное с обрывочными воспоминаниями о более приятных и юношеских годах, которые уже давно ушли». Призрак кивнул. «Поистине, многое доброе было утрачено в тени тех суровых дней, когда казалось, что даже вьючные животные превратились в жалкие тени своих прежних истинных сущностей».

«И всё же в мире ещё много добра; и дни никогда не бывают мрачными». Лазарь заметил: «Это ясно изложено в Писании. Разве вы не читали таких стихов, господин?»

Медиччи безвольно пожал плечами, слабо улынувшись в уголке рта. «Я собирался это сделать — когда найду время. К сожалению, времени не хватило — когда я умер».

Он поднял бровь и признался: «В то время у меня в библиотеке действительно был экземпляр Священного Писания. Он достался мне от семьи Медиччи. Он был довольно большим, старым и тяжелым, с витиеватой вышивкой и плотными швами на переплете. Страницы были заполнены красочными рисунками и надписями. Мне сказали, что это один из всего лишь трех экземпляров, созданных норвежскими бенедиктинскими монахами в итальянском регионе Умбрия. Я понял...»

Это был самый старый том в семейной библиотеке, которая по тем временам была довольно обширной.

Лазарь обеспокоенно опустил взгляд на доски пола и спросил Медиччи: «И, имея такую прекрасную книгу, вы не помните ни единого стиха из неё?»

«У меня никогда не было ни одной свободной минуты». Его поведение резко изменилось, и он усмехнулся. «Тем не менее, она выполняла важную функцию, даже если её никогда не открывали; просто потому, что стояла на полке».

«Его место?»

«И правда. Это была первая книга на полке, расположенная далеко слева и точно на уровне глаз невысокой, вспыльчивой и рьяной итальянки у входа».

мое исследование.

«София?»

«Нет. Ее приемная мать — ее родная тетя. И этот старинный семейный том был первым предметом, на который она обратила пристальное внимание, комментируя его при каждом своем появлении». **Этот тщательно лежавший и нераскрытый том выжигал из её глаз сам огонь .** «Еще какое-то время, прежде чем она переступила порог моего кабинета. При приближении она была праведной львицей, а при уходе – терпеливой овечкой». Медиччи усмехнулся. «Со временем Священное Писание хорошо защитило меня от серы и ее яростного фанатизма».

«По всей видимости, она очень восхищалась этой книгой».

«Вполне верно. Это было намного старше, чем семейные писания».

«Однако она никогда не просила тебя заглянуть внутрь — увидеть слова, картинки и страницы?»
"Нет."

«Она когда-нибудь спрашивала, читали ли вы из книги?»

«Никогда мимоходом».

«Она просто поняла, что вы читали, потому что это было там?»

«Да», — выдавил из себя Медиччи, усмехнувшись.

Лазарь, недоумевая, подумал, а затем заметил: «Похоже, ей было важнее закрыть и оставить Священное Писание лежать, чем тебе — переместить и использовать его».

Они оба расхохотились.

«Конечно, мою мать не так-то легко было убедить», — подчеркнул Спектр. «Они были как небо и земля. Когда ее гости осмелились пройти мимо кабинета и увидели старика

«Об этом меня неизменно спрашивали», — отвечала моя мать, на что та неизменно отвечала:

«Этот переплет принадлежит не кому иному, как самому Фоме Неверующему ».

«От апостола Фомы?»

«Точно та же самая. И когда она обращалась ко мне с жалобами, она всегда называла меня этим именем, особенно в мои более смелые дни, когда я был молодым и упрямым мальчиком. Она называла меня так часто, что ее гости по ошибке называли меня Мастером Томасом, а не Мастером Грегори. Порой это было довольно неприятно — так оно и было». Призрак вздохнул и устался в никуда, размышляя о сокровенных воспоминаниях о прошедших столетиях.

Он немного походил взад-вперед, еще немного подумал и, наконец, продолжил: «Как бывший помещик аббатства, имеющий доступ ко всей аббатской скриптории, я должен признать, что вы, безусловно, лучше меня разбираетесь в библейских вопросах; однако я говорю о Церкви только в том контексте, который соответствует событиям ее истории. Я не лгу вам в этом отношении. И многочисленные исповедуемые пути Церкви и различные исторические записи не являются ложными свидетельствами сами по себе — все рассказы и записи содержат одни и те же истины. Таким образом, к

«Вы прекрасно знаете Священное Писание, а я в равной степени сведущ в истории, особенно в военном искусстве и во многих событиях, которые сформировали Церковь».

«Как и ваше неоспоримое историческое описание „великолепных куч личинок“ — не было ли это частью вашей ученой церковной истории, Медиччи?»

Призрак изо всех сил пытался сдержать насмешки, прежде чем взять себя в руки. «Ну, не совсем. И все же, ради привлекательного повествования о таком, в противном случае, безнадежно сухом вопросе, как Церковь, подобные выражения все же добавляют красок, не так ли?»

Лазарус закатил глаза. «Ты выразил только черноту. Черный — это оттенок?»

Медиччи усмехнулся и отчасти отказался от своей свободы слова. «Хорошо, тогда, возможно, я был немного несдержан в выражениях; прошу прощения. Я сделаю...»

«Больше не буду пытаться излагать Писание, поскольку я не так хорошо с ним знаком, как вы. Тем не менее, мне должно быть позволено высказать свои взгляды на Церковь с чисто исторической точки зрения, даже если вы изначально можете быть против некоторых их частей».

Лазарь пожал плечами и условно согласился: «Только если твоя неприязнь к Церкви не будет такой ослепительно яркой».

«И они действительно были такими, во всех смыслах этого слова...»

Лазарус прищурился и прервал его.

Призрак поднял палец в воздух, усмехнулся и вежливо завершил задуманное заявление:

«Однако ради вас я вычеркну из своих сообщений все упоминания о червях и полном отвращении к хищническому благочестию и мягко передам вам, возможно, более приемлемую версию истории Церкви — как я её отчётливо помню, заметьте».

«Возможно, более приемлемый вариант ... чего-нибудь другого?» — Лазарус намекнул на смену темы. «Возможно, что-нибудь еще о твоей дорогой Софии?»

«Хорошо, тогда. Возможно, я расскажу вам о том, как я впервые попросил руки Софии у её приёмных родителей? Расскажу ли я об этом ужасном событии, со всей его историей, запечатлённой в «Книге Дона?»»

Уши Лазаря насторожились, и он наклонил голову, как любопытная собака. «Книга Даниила, ты хочешь сказать?»

Медиччи рассмеялся. «Да, именно так. Тетя Софии сказала то же самое. Это был довольно неловкий для меня момент, но в то же время забавный и насыщенный событиями».

«Я бы хотел об этом услышать», — признал Лазарус, вновь улыбнувшись и придя в себя.

«Тогда я вам расскажу — возможно, по пути в Италию. Полагаю, вам понравится пересказ этой истории».

«Я в этом уверен», — ответил Лазарь.

Ещё один треск прогремел в деревянном корпусе, за ним последовали звуки внезапного прилива воды под палубой — всё ещё крепко прижавшись к скалам, судно наконец-то сдалось морю. Дерево стонало и трещало, палуба лишь слегка наклонилась. Они оба всматривались в бескрайний южный океан и звёзды. Дуло устойчивое ветру, несущее в себе привкус морской соли. Под ними стучали и журчали неразборчивые волны, шлёпая своей пеной по корпусу корабля. Лазарус нарушил молчание между ними. «Ты сказал, что океан, возможно, глубже, чем облака, высоко», — заявил Лазарус. «А может, он ещё глубже, чем звёзды, высоко?» «А как же небесная твердь? Думаю, нет», — ответил Медиччи.

«Вы когда-нибудь летали к звёздам?»

Призрак усмехнулся. «Конечно, нет. И я бы не осмелился рисковать, боясь быть замеченным всеми ангелами на свете. Там, наверху, негде спрятаться», — сказал Медиччи, кивая вверх. «Мое место здесь, внизу, в поисках Ада — и моей Софии».

«Я обыскал все вокруг — от вершин гор до океанского дна». Призрак посмотрел прямо на Лазаря и улыбнулся. «Однако я надеюсь, что мои поиски теперь окончены, и ты — мой проводник». Затем он взглянул на море и поморщился. «И я действительно ненавидел обыскивать океанское дно. Ужасные и непостижимые морские чудовища плавают в его глубоких долинах вечной тьмы».

«Даже морские чудовища?» — спросил Лазарь.

«В особенности», — подтвердил Медиччи. «Я видел огромных чудовищ, скрывающихся в самых глубоких нишах: белых гигантов с массивными головами и без тел; и от них отходили длинные и рыхлые ноги — ноги настолько длинные, что могли бы растянуться на всю длину самого большого океанского торгового корабля. И я видел огромные призрачные тела без голов, которые выглядели не более чем как огромные плавательные шапочки, набитые длинными, струящимися волосами — светящимися волосами, убивающими свою добычу. Кроме того, я видел огромных беззубых морских летучих мышей с зияющими пастями и длинными хвостами. А однажды я наткнулся на раскинувшееся на дне моря скопление гигантских моллюсков; самый крупный из них мог бы сожрать двух человек в своей внезапно сомкнутой раковине». Медиччи фыркнул и поморщился, добавив: «А еще были эти бледные и отвратительные головообразные существа...» Он содрогнулся от отвращения, прежде чем далее: «— они были похожи на плавающие головы, украшенные рядами неровных зубов; а их огромные глаза и зияющие рты поглощали почти все их существо. Большеглазые, многозубые головы, вот они. Представьте себе подводный мир, черный как смоль, полный свирепых и ненасытных, светящихся и плавающих голов».

«В море плавают чудовищные головы», — спросил Лазарь, теперь совершенно очарованный фантастическими описаниями Медиччи этих внешне гротескных и титанических океанических диковинок.

«Ну, они были не такими чудовищными, как другие морские чудовища».

Лазарь оглядел истерзанную палубу корабля. «Неужели они были даже больше, чем « Жемчужина Эдема»?»

Медиччи, возможно, побледнел от смущения, прежде чем, протянув пальцы на расстояние примерно в три дюйма, признать: «Ну, они вот такие большие; однако они поистине ужасны на вид, с их кажущейся неполнотой — очень непропорциональной — и призрачны во всех отношениях и внешности, как и я сам. Можете себе это представить? Ужасны они были. Когда я впервые наткнулся на них, я подумал, что приблизился к вратам ада, поскольку они, конечно же, не были таковыми. Они выглядели как нечто, созданное по чудесному замыслу Господа. Однако я неправильно их понял — они были не из ада. Тем не менее, даже пауки могут быть красивее в их компании, поскольку «У пауков есть различимые тела и подвижные ноги. И всё же, плавающие головы без тел и ног?» Медиччи неодобрительно покачал головой, прежде чем бросить взгляд на берег моря. «Это немного похоже на пещерных сверчков — большие, длинные ноги, которые, кажется, поддерживают слишком маленькое тело для любого обычного сверчка. В их теле нет должного баланса». Он снова вздрогнул. «Это раздражает, и в каком-то странном смысле».

Эльо теперь размышлял над кажущейся странной идеей о призраке, некогда дисциплинированном в области физиогномики, страдающем фобией перед наблюдаемыми органическими диспропорциями или анатомическими гротесками. Он поджал губы, чтобы сдержать нарастающее веселье. Затем он отвернулся и прикусил губу, прежде чем обратиться к Медиччи с серьезным и обеспокоенным видом. «Но что, если бы в тебя бросили одну из этих маленьких головообразных штуквин, Медиччи?»

Призрак повернулся, кивнул и холодно произнес: «Тогда им придется умереть».

«Эти штуквины в голове?»

«Нет, — рявкнул Призрак, — кто бы ни бросил это в меня!»

Лазарус задохнулся и, поддавшись всеобщему веселью, согнулся пополам и потерял равновесие. Хруст! Плеск! Стоячая часть балюстрады рухнула в океан, и, если бы Медиччи резко не схватил тянущегося за собой Эльо, Лазарус мог бы упасть за борт. Призрак вытащил смиренного Лазаруса обратно на борт. Палуба корабля.

Лазарь поднялся на ноги. «Но ты же дух; эта штука прошла бы сквозь тебя совершенно беспрепятственно».

Медиччи отпустил его. «Тем не менее, это случится лишь однажды. И я не вижу ничего смешного в вашем предложении».

Лазарус взял себя в руки. «Простите меня, Медиччи. Я был всего лишь...»

«Да, я знаю; и вы не первый, кто находит в этом юмор. Тем не менее, имейте в виду, что последний из ныне живущих людей, бросивший в меня пещерного сверчка, стал моим самым долгим пациентом за тот короткий период».

Лазарус успокоил его, натянуто и с трудом выдавив из себя улыбку: «Я этого не сделаю, Медиччи. И спасибо тебе за то, что ты меня поймал».

Медиччи подмигнул и пожал плечами. «Я искренне верил, что тебе пора прополоскать рот морской водой; однако я лишь подхватил свою Софию, когда ты упал; теперь ты стоишь между мной и ней».

Лазарь улыбнулся и кивнул. «Тем не менее, я в долгу перед тобой».

«Вполне подходит», — ответил Медиччи, сжимая руки на одежде и покачиваясь на пятках.

Лазарь осмотрел отсутствующую часть балюстрады и бушующее внизу море, и его мысли обратились к более ранним и простым временам. Он вспомнил один довольно комичный момент, когда он, Мигель и Татей вместе находились в колодце, ополаскивая использованные винные бочки аббатства. Мигель прыгнул в воду и закричал, что... Морское чудовище схватило его. И хотя он знал, что Мигель притворяется, поскольку был досконально знаком со всеми углублениями и расщелинами в небольшой пещере Колодец, Татеус бросился спасать Мигеля от предполагаемого морского чудовища, отчитывая Лазаруса за то, что тот ничего не сделал, чтобы спасти Мигеля от неминуемой смерти. Лазарус усмехнулся. Он вечно смущался за своих доверчивых и озорных спутников по катакомбам. Он поднял взгляд к звездному небу.

«Что случилось?» — подозрительно спросил Медиччи, прищурился глазами.

«Это не ваше дело», — сказал Лазарус, отмахиваясь рукой. — «Я просто вспомнил давний момент». Он кивнул и пояснил: «Когда-то я представлял себе мир гораздо меньшим, чем он есть на самом деле. Он был приятнее, когда я считал его маленьким».

«Откуда у вас взялась эта информация, если она окажется меньше, чем есть на самом деле?»

«Ну, когда-то я верил, что птицы могут летать достаточно высоко, чтобы даже достичь небес». Он пожал плечами, признавая: «Я знаю, что они не могут, но мне всё же хотелось в это верить».

Медиччи усмехнулся. «А как ты можешь быть уверен, Лазарь, что птицы не могут долететь до Небес?» Он раскрыл руки и коротко взглянул вверх. «Неужели ты взлетел так высоко и далеко, что осмотрел каждый уголок неба?»

Лазарус взгляделся в глаза Медиччи, прежде чем ответить: «Я могу быть в этом так же уверен, как и вы, ведь вы тоже убеждены, что ваши чудовища не пришли из ада, Медиччи. А вы уверены?»

«Они исследовали так глубоко и далеко, что изучили каждую часть океана?»

«Они не мои чудовища», — с усмешкой возразил Медиччи. «Однако, возможно, мы можем ими стать».

«В целом я уверен в обеих точках зрения». Он кивнул и похвалил Лазаря: «В тебе действительно скрывается пронизательный и рассудительный алхимик».

«И, судя по вашему равновесию веры и сомнений, я верю, что из вас также получится прекрасный монах», — сказал Лазарь мимоходом, направляясь к центру палубы корабля. Медиччи последовал за ним.

Они переступили через разбросанные обломки и вышли на относительно ровную поляну у входа в трюм. Лазарус остановился и закрыл глаза. Медиччи обошел Лазаруса. Он наблюдал, как тот глубоко вздохнул и грациозно покачал головой вверх и вниз, а также из стороны в сторону. И извне, и изнутри себя Лазарус черпал ясность и направление из острого чувства ориентации Эльо, на которое он одновременно наложил безупречные воспоминания о картах аббатства. Он повернулся и открыл глаза в сторону Юго-восточный океанский горизонт. Медиччи заметил его расширенные зрачки; их кажущаяся чернота почти полностью лишила глаза Лазаря голубого оттенка. «Мы найдем новый курс в этом направлении», — заявил Лазарь, указывая на океанский горизонт. «Пошли?»

Медиччи остановил его — он взглянул на небо, нашел Полярную звезду и, следуя за расположением созвездий, продолжал двигаться вниз, пока его взгляд не совпал с указательным пальцем Лазаря и точно не указал в рассчитанном направлении на далекий остров Корсика. Он поджал губы и покачал головой. «И вы смеете обвинять меня в колдовстве, когда я всего лишь принес зайца? Как вы так идеально ориентируетесь с закрытыми глазами?» Лазарус улыбнулся и расправил крылья. «Ты не единственный из нас, кто обладает способностью, не связанной с колдовством».

Призрак вздохнул. «Достаточно расплывчато; хорошая отдача».

Лазарь спросил: «Возьмём ли мы курс на Корсику?»

Медиччи протянул руку к небесам. «Вверх и вперед, милостью Божией; освети путь, брат Лазарь».

Лазарь улыбнулся, повернулся и расправил крылья.

Как единое целое, они покинули обломки и поднялись в ночное небо, совершив лишь один круг вокруг них, прежде чем взмахнуть узким курсом в море. «Жемчужина Эдема» затонула вдали; земли Франции исчезли; и под сиянием восходящей луны беспокойная поверхность океана в конце концов сгладилась, превратившись в мерцающую гладь дымчатого стекла. Они поднимались всё выше, пока бескрайние воды залива Леон, казалось, снова не поглотили весь мир, как это мог знать только Ной. И всё же, даже при безликом морском пейзаже и бесконечном горизонте, похожий на перелётного Эльджо и холодно расчётливый Спектр ни на секунду не сбились со своего воздушного курса между землёй и небесами. Вместе они служили незаменимым инструментом, способным соперничать д

Наиболее важными навигационными инструментами любого капитана корабля были компас и секстант, расположенные высоко в небе и позволяющие плыть прямо над солоноватой океанской бездной.

Какими бы неестественными и одаренными ни казались эти две пары, дополняющие друг друга, Лазарю и Медиччи еще предстояло узнать, что Судьба вскоре потребует от них неизмеримых усилий и непредсказуемого времени, чтобы исправить то, что уже было сделано с миром. Однако этот поворотный момент в истории еще не наступил ни с ними, ни с человечеством.

[Конец первой книги: Воскрешение]

Это литературное произведение было создано исключительно в память о...

Эдгар Аллан По (1809—1849)

— Пусть его наследие живет в каждом из нас —

~[GothicNovel.Org](https://www.GothicNovel.Org)~